

Аэродром, куда приземлился юркий самолетик полковника Акопяна, еще вчера был немецким. Вышибли немцев так стремительно, что они не успели взорвать свой важный опорный пункт перед Прагой. Вчера на совещании в штабе армии стало известно, что фашисты создали мощный кулак вокруг Праги, минируют объекты, возможно, готовятся взорвать. Принято решение начать бросок танкистов на город. Летчики Акопяна должны прикрывать бомбардировщики. И вот теперь ему предстояло отобрать тех, кто совершит свой последний боевой вылет. Акопян был уверен, что вылет будет последним. Немцы вот-вот сдадут рейхстаг.

Улеска, подле которого стояли укрытые ветками самолеты, полковник увидел, что большинство летчиков уже встали. При виде Акопяна офицеры мигом выгнулись, поправляя кто гимнастерку, кто прическу. Ашот стоял рядом с Алексеем и глаза его радостно светились. Впрочем, взгляд полковника был рассеянным. Никто из летчиков, конечно, не знал, что он в эти секунды думает о том, кого послать на задание. Он понимал, что кто-то из этих симпатичных и ставших ему близкими ребят может и не вернуться. И это в двух шагах от победы. Лишь объяснив задачу, он понял, что вместе с другими отправит и сына.

- Поздравляю тебя, - вдруг неожиданно для себя произнес полковник.

Все остановились.

- С чем?

- Как с чем? Тебе сегодня стукнет двадцать пять.

- Да? А я и не знал, - рассмеялся тот.

- Ну, Ашот, уж сегодня ты от нас никуда не денешься. - Вернемся, отметим вместе с победой, - обступили его друзья.

...Они еще какое-то мгновение смотрели друг на друга, потом Ашот, легонько хлопнув по плечу отца, побежал к самолету.

- Смотри там, - хрипло крикнул ему вслед отец.

Слышал ли сын, он не знал. Да и крикнул-то он скорее для собственной уверенности, желания быть с ним в небе. "Ястребки" пошли на взлет. Теперь их разделяли небо и земля.

Бомбардировщики были почти у цели, когда навстречу посыпались "мессеры". Ашот почувствовал, как у него закипело в висках. Крикнув Алексею: "Пошел, Леха!" - он развернул машину. Бомбы должны попасть в цель, уж они постараются.

Бой был коротким, не времен сорок первого года, когда немцы брали числом в воздухе. Потеряв несколько машин, они стали отходить, и вдруг самолет Ашота подбросило, очерде прошла по обшивке, разбив щиток над головой. Раздался треск в наушниках, рация замолкла.

- Ах, сволочь, - ругнулся Акопян. - Ну, погоди!

И развернул машину за взмывшим в облака "мессером". Тот уходил на большой скорости. Ашот нажал на гашетку. Мимо. Взял вновь на прицел. Не попал. Нажал в третий - очереди не последовало.

- Нет уж, не уйдешь, - кричал Ашот, выжимая предельную скорость.

Сколько длилась погоня, он не мог сообразить. Лишь увидел, как немец вдруг развернулся и пошел навстречу. Сбоку показался другой. "Неужели заманили", - мелькнуло в голове (это же самое кричал ему Кутов, не зная, что у друга молчит рация).

Самолеты сближались. Немец не стрелял. Ашот понял, что у него тоже, видимо, кончился боекомплект. И он, уверенный, что за него с Ашотом разделяются другие, решил погугать. Увидеть, как советский летчик в последний момент увильнул от столкновения.

... "Мессер" все-таки взмыл вверх перед самыми винтами, и "ястребок" стукнул его в хвост. Тупая боль ударила в плечо. Он успел потянуть кольцо. В это же мгновение в небе появился другой белый колачок. 7 мая 1945 года Ашот Акопян с задания не вернулся...

Дежурный доложил, что на проводе командующий.

- Алло, полковник! Разведка сообщила, что кто-то из твоих пошел на таран. Это же герой, понимаешь, может, это последний таран в войне. Хотим представить к высшей награде. Как фамилия парня?

- Старший лейтенант Ашот Акопян.

- Что? Твой сын? Ну, держись. У меня донесение, что он выбросился с парашютом. Жив, значит...

Полковник положил трубку и подошел к карте. До места, указанного командующим, было не более семидесяти километров. В воздухе это звучит пустяк. Но на земле, занятой врагом... Полковник вдруг вспомнил жену. Как расскажет он ей все, если... А ведь рассказывать придется во всех подробностях.

Парашюты, обдирая ветви, одновременно накрыли обоим и, освободившись от строп, оба стремительно открыли огонь первыми. Отпрынув в кусты, Ашот сделал несколько выстрелов. В ответ над головой взвизгнули пули...

Он отполз подальше, взял палку и швырнул ее над своим плечом. Вновь зачирикали пули. Вдруг совсем рядом послышались хруст и треск. Ашот тут же выпустил несколько пуль, раздался визг, и прямо почти перед Ашотом завалился на бок огромный кабан.

Патронов у Ашота больше не было. Еще раз стукнув палкой по кустам и отпрыгнув в сторону, он понял, что и немец расстрелял всю обойму. Или затаился. Надо пробраться окружным путем к парашюту.

Немец от неожиданности вскрикнул, но успел увернуться, когда Ашот прыгнул на него. Завязалась борьба, они катались по земле, наносили удары, слабее и шумно дыша. Затем, освободившись, вскочили и вновь в дикой ярости бросились друг на друга. В эту секунду над лесом раздался грохот, зашелестела листва и хлынул ливень. То ли от неожиданности, что первый такой дождь в эту весну, или оттого, что вымокли в мгновение ока, оба вдруг бросили борьбу, отползли под деревья.

Ашот неотрывно следил за немцем. Злость остигала вместе с каплями, залетающими за ворот куртки. Где они находились, Ашот не знал, но понимал, что фашисты видели, чем закончилась схватка в воздухе. Могут начать поиски. А может, немчура и сам знает путь. Надо попытаться связать этой сволочи руки. Заставить фрица выбираться из леса. А там Ашот определит, где свои.

- Ах, совсем забыл, - чертыхнулся вдруг про себя полковник. Сегодня ведь Ашоту стукнет двадцать пять. Спит поди себе и тоже, наверно, забыл о юбилее.

Он представил, как, уткнувшись в плечо своего неразлучного друга, сибиряка Алексея Кутова, спит Ашот. С Кутовым они вместе учились в летном училище под Киевом, 25 июня 1941 года должен был состояться выпуск, и отец уже готовился в дорогу - увидеть сына в такой торжественный день. Но встретились они только к концу войны, оказавшись в одной части.

Дождь лил еще часа два, а может, и больше - часы у Ашота стояли. Стало еще холодней, он почувствовал голод. Немец сидел, нахохлившись, метрах в пяти. И тоже внимательно следил за Ашотом. Он думал о том, что лучший в части ас, ни разу не сбитый русскими, позволил себе глупую игру. Заманил - и достаточно, остальное сделали бы другие. Ведь еще вчера писал своей Эльзе и дочерям, что войне капут и он вскоре надеется вернуться домой. Сестра ему писала, что бакалейщик Гин частенько крутится возле Эльзы. Он вдруг представил, чем это могло кончиться, и в ярости бросился на Ашота. Удар в подбородок опрокинул его навзничь. И он уже не сопротивлялся, когда русский связывал ремнем ему руки.

Ашот обыскал пленного. Кроме портсигара и зажигалки, ничего не оказалось. Ганс Эрнест-Трау - прочел он в офицерской книжке. Тут же лежали два наградных удостоверения на кресты.

- Вставай, шнель, - Ашот толкнул немца и указал вперед.

Тот замотал головой, показывая жестами, что не знает куда. В лесу был полумрак. Ашот еще раз толкнул немца, и в этот момент почти рядом раздалось урчание, сверкнули зеленые точки.

- Вольф, вольф, - затрясся немец.

Конечно, они почувствовали запах кабана и пришли. Ашот вспомнил про зажигалку. Сорвал с себя и немца шлемы. Облил их бензином из зажигалки, чиркнул, огонь лизнул резину и мех и разгорелся. Потом он кидал туда ветки и шишки сосняка, они с шипением горели, не давая стае приблизиться. Впрочем, волков пока вполне устраивала кабанья туша.

Теперь они сидели у костра почти рядом. Немцу было за сорок, худощавый, жилистый, типичный бюргер. Но Ашот ошибался. Ганс Трау когда-то окончил университет и мечтал стать преподавателем. Нацистская горячка привела молодого математика сперва в училище, а затем в армию. Эльза была в восторге от его офицерской формы. И сразу приняла ухаживания. Отцу же не очень нравились наци и их шумные разглагольствования о "новом порядке". Он не одобрял действий сына. Ганс знал, что отца не обольщали успехи Гитлера в Европе, а войну с Россией он считал бессмысленной и губительной затеей. "Никто из вас не знает русских, - говорил он, - а я знаю, по четырнадцатому году. Русских только задень, Россия нам еще не по зубам..."

И вот один из них сидел рядом с Гансом. Странно, но Ганс чувствовал откровенное любопытство к этому парню. И больше ничего. Видел бы отец эту сцену. Какой-то парень и он, известный на всем фронте ас, пленен, обезоружен и связан...

В глазах русского Ганс не видел злости, тот был задумчив. И это успокаивало немца. Куда сейчас идти? Лишь бы не повстречаться с местными националистами. Те не посмотрят кто, шлепнут обоим.

Неожиданно русский встал. И пошел. Ганс растерянно смотрел вслед. Остаться одному ночью было страшно. Он встал и пошел следом. Они шли так уже больше часа. Ашоту показалось, что лес стал реже, потом он заметил вытоптанную кем-то тропинку. "Куда-нибудь да выведет", - решил он. Немец отставал, Ашот развязал ему руки и пошел следом. Он рассчитывал найти какое-либо пристанище, передохнуть.

Он чуть не ткнулся немцу в спину. Тот остановился, делая жесты рукой. Из его бормотания Ашот понял только слово

"огонь". Вгляделся. Действительно, вроде мерцает. Надо проверить. Как объяснить немцу, чтобы тот, в случае чего, не закричал или не позвал своих. Он показал немцу ремень, тот, поняв, подставил руки. Вытащив платок, Ашот сунул его немцу в рот.

Через несколько минут они оказались возле лесной сторожки. Внутри светился слабый огонь. Ашот несколько раз обошел вокруг, затем, вытаскив у немца кляп, показал тому на дверь. Ганс ударил ногой.

Огонек сразу погас, и в следующую секунду Ашот увидел, как из сторожки выскочил человек. В два прыжка Ашот настиг беглеца, схватив его за шею.

"А-а", - раздался крик, и Ашот понял, что это женский голос.

- Тихо... Не ори, - сказал он, отпуская. - Ты кто такая?

- Ты рус, русский, - услышал Ашот.

- Да, русский, летчик, - он показал в небо.

Она недоверчиво смотрела на него, переводя взгляд на Ганса.

- Я советский, а он немец, мы оба оттуда, - он показал в небо.

Она вспомнила два взрыва, прогремевших неподалеку от их деревни, после которых нагрянули бандиты. И они с матерью вновь сбежали, когда те искали по домам летчика. Бандитами командовал Карел, вторая встреча с ним предвещала Власте только беду. Первый раз от его домогательств спас налет.

Власта, еще раз испытывающе взглянув на Ашота, пошла обратно к сторожке. Сказала несколько слов матери...

Оба летчика жадно жевали хлеб. Женщины рассматривали их, изредка перебарываясь отдельными фразами. Огарок свечи уже почти весь оплавился. Ашот видел, что немец едва борется со сном. И самого его постепенно укачало.

Когда он проснулся, немец что-то говорил матери. Она отвечала на его языке, и Ашот сразу насторожился. Власты не было.

- Где девушка? - спросил Ашот у матери.

ДВОЕ И ОДИН

Рассказ

- Приде, приде, не надо бояться. Немец мне все рассказал. Волки, ты помогал его.

Открылась дверь - и вошла Власта с коробкой в руке. Достала оттуда несколько картофелин, кусок сала, яйца, ржаную тяжелую булку. Мать обрадованно засуетилась.

Сейчас Ашот мог разглядеть Власту. Лицо славянки, но с темными глазами, длинные волосы, слегка волнистые, свежая девичья фигура, тонкие ловкие пальцы рук...

Он взглянул на Ганса, отметив, что тот заметно успокоился. Неужели старуха сказала ему, что рядом немцы? Он мог ведь ей за мою голову и собственное спасение обещать что угодно. Вдруг Власта ходила с той целью? Война продолжалась, а в ней каждый думает, как выжить.

Старуха чистила картофель, немец помогал. "Нож - это уже оружие", - подумал Ашот. В эту секунду Власта зачерпнула алюминиевой кружкой воды из кадки и протянула Ашоту. Он взял кружку, попросил девушку помочь умыться. Мать внимательно глядела им вслед.

Ему хотелось освежиться по пояс, Власта поняла, что он стесняется, сама потянула за куртку. И через секунду вернулась с ведром воды. Ашот с наслаждением ощущал, как свежее его тело от воды. Он вытерся чистой цветастой тряпкой и благодарно взглянул на Власту.

- Ты не русский, ты румын, итальяно, - вдруг сказала она.

- Нет, Власта, я советский, Россия, как тебе сказать, - он сделал огромный круг руками, - большая. Кавказ знаешь? Вот смотри.

Он достал из гимнастерки свое удостоверение.

- Ты должна помочь мне. Дорогу к нашим, понимаешь? Где русские?

- Туда нет дорога, кругом немцы, в моей деревне бандиты, Карел там гуляет, я ночью ходила за продуктами. Староста дал, хороший человек. Не спросил зачем. Уходить нельзя, ваши далеко.

- Нет, Власта, мне надо идти. Где тут шоссе?

Она стояла рядом и открыто глядела ему в глаза, и он вдруг сейчас только уловил, куда и для чего она ходила ночью. А он еще сомневался.

Ели молча, как мать вдруг сказала: "Днем нельзя уходить, опасно. Потом дорогу будем показывать".

- Хорошо, останемся здесь до вечера, - решил Ашот.

Власта радостно улыбнулась ему...

- Не надо бояться моей матери, - говорила Власта. - Она любит русский. Пойдем, я тебе буду показывать, - ее руки доверчиво дотронулись до рук Ашота. - Идем.

Они шли по лесу, и Ашот чувствовал, как с каждым метром меняется лицо Власты. Неожиданно перед ними возник холмик с деревянным крестом. Губы у Власты дрожали, глаза увлажнились.

- Здесь отец, его немцы убили... Карел сказал, что отец укрывал партизан...

По лицу Власты катились слезы. Ашот вдруг почувствовал, как беззащитна и хрупка эта девушка. Как нужна ей в этом мире чья-то поддержка. Он повернул ее к себе, отвел от холмика, нежно вытер слезы. И вдруг поцеловал в большие влажные глаза, затем в подрагивающие губы. Власта уткнулась ему в грудь лицом, словно ребенок, затем обняла за шею и прижалась к Ашоту.

Он спал, большой и сильный, временами улыбаясь во сне. Власта хотелось, чтобы это длилось как можно дольше. Она про себя повторяла непривычное имя, словно хотела запомнить его на всю жизнь. Ничего, кроме поцелуев и прикосновения его сильных и нежных рук, между ними не было. Но она, еще не испытывавшая любви, понимала, что произошло в ее судьбе нечто важное, - знакомство с этим русским летчиком, оказавшееся единственным светлым пятном в ее юности, исковерканной войной.

Ашот проснулся от громкого голоса матери. И понял: что-то произошло. Об этом говорили испуганные глаза Власты, горестная морщина на лбу ее матери. Только немец спокойно сидел у стены.

- Сюда может прийти Карел. Ему кто-то сказал, что вроде бы видел Власту. Говорят, старосту схватили. Тебе надо уходить.

- Спасибо вам, - голос его чуть дрогнул, но Ашот взял себя в руки.

Ашот понял, что мать боится прежде всего за Власту. Если его застигнут здесь, тогда Власте уже не быть даже наложницей бандита...

Дверь со стуком распахнулась, и Ашот, обернувшись, увидел Власту. Она бежала к нему так, словно он был уже за тридевять земель.

- Ашот, - она впервые с трудом произнесла его имя, - Ашот...

И он все понял. Она пойдет с ним, и никакая сила не удержит ее в избушке.

- Вот, староста дал, - она протянула пистолет.

Когда Ашот и Власта отошли от сторожки далеко, услышали гортанный крик. Их, припадая на ногу, догонял Ганс.

Власта уверенно вела их. Вот и место, где вчера жгли костер. Разом залаяли собаки, грянула автоматная очередь. Ашот рванул Власту обратно в лес. В деревне были немцы. Когда перевели дух, увидели, что Ганс Трау тоже с ними. Он предлагал переждать, а к утру он проберется, возьмет часовой и узнает обстановку.

Ашот сказал через Власту: "Он может идти и сейчас, а нам здесь оставаться опасно". Немец обиженно засопел, но пошел за ними. Однако утром, проснувшись, Власта и Ашот не обнаружили Ганса. Они не знали, что он все-таки осуществил свое намерение. Налав на часовой, узнал всю обстановку, как пройти к станции, а также где русские. Часовой, приняв его за разведчика, все рассказал, моля сохранить жизнь. Ганс связал его, заткнул рот ленточкой, забрав автомат, пошел сообщить обо всем русскому.

Но его спутники в лесу не оказалось. И Ганс Трау пошел к станции один, думая о том, почему же он не испытывает уже той злобы и вражды к русскому и даже хочет вроде помочь тому. Неужели это из-за обреченности, осознания того, что тот сильнее, тот победитель? Ненависть, умело взращиваемая все десять лет подряд, размывалась, оставляя мучительный вопрос: для чего надо было?.. Ганс понял, что не только ради спасения он хотел бы идти за русским и его спутницей. Перед ним был враг, не потерявший человеческого облика.

Продвигаясь только лесом, Ашот и Власта вышли к железной дороге, на разъезд в несколько домиков.

- Ты оставайся здесь, я подберусь к будке, может, прихватчу стрелочника. Узнаем, куда идти дальше.

Власта было запротестовала, но Ашот решительно сжал ей плечи.

Здоровенного роста заросший мужик рванул автомат, но Ашот выстрелил раньше. В эту секунду в будку вбежала Власта.

- Там, - она показала в сторону домов, - какие-то люди у рельсов. И тот немец с ними, руки у него вот так, - она завернула свои за спину.

Ашот, схватив автомат, бросился туда. "Диверсия? Может, они наш эшелон ждут..."

Ганс первым увидел его. И, толкнув рядом возившегося со шпалой мужика так, что тот грохнулся на рельсы, побежал навстречу. В спину ему грянула очередь. Ганс дернулся и мешком повалился на бок. Ашот нажал на спуск. Трое бандитов упали сразу, четвертый, последний, успел в него выстрелить.

- Власта! Там поезд, рельсы, беги туда, - шепнул Ашот.

Она с ужасом увидела, как обмякло тело "русского", а гимнастерка покрывалась тяжелыми буриными пятнами...

Она не видела и не слышала, как остановился эшелон, как их обступили солдаты в пилотках со звездочками. Удивленные, они молча смотрели на советского офицера и на плачущую, обнявшую его чешскую девушку, на убитых немца и чехов. И не могли ничего понять. И лишь когда санитары с трудом подняли девушку и понесли этого офицера, в котором еще теплилась жизнь, к эшелону, когда застучали рельсы мимо Власты, к ней вдруг из вагонов протянулись десятки рук и оторвали от земли, словно не хотели, чтобы и она оставалась один на один с войной. С войной после победы.

Борис КЮФАРЯН